

ПРИТЧИ О СПАСЕНИИ: «ПАУТИНА ЛЮБВИ» Л. ТОЛСТОГО И «ЛУКОВКА» Ф. ДОСТОЕВСКОГО

К. А. Нагина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 февраля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается пересечение сюжетов о спасении грешника в творчестве Л. Толстого и Ф. Достоевского. Легенда о разбойнике Кандате, пересказанная Толстым в рассказе «Карма», повторяет «басню о луковке», рассказанную Грушенькой Алеше в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». Легенда Толстого, сопряженная с универсальным для творчества писателя образом «паутины любви» — метафорой самоотречения и «жизни для других», имеет буддийские корни, тогда как притча Достоевского связана с христианской традицией. «Паутина любви» Толстого и «луковка» Достоевского отражаются в рассказе японского писателя Р. Акутагавы «Паутина».

Ключевые слова: Л. Толстой, Ф. Достоевский, Р. Акутагава, «паутина любви», «басня о луковке», спасение грешника

Abstract: the article deals with the intersection of stories about the salvation of a sinner in the works of L. Tolstoy and F. Dostoevsky. The legend of the robber Kandate, retold by Tolstoy in the story «Karma», repeats the «fable about the onion», told by Grushenka Alyosha in the novel by F. Dostoevsky «The Brothers Karamazov». Tolstoy's legend, which is associated with the universal image of «the web of love» — a metaphor of self-denial and «life for others» — has Buddhist roots, while Dostoevsky's parable is associated with the Christian tradition. Tolstoy's «Web of Love» and Dostoevsky's «Onion» are reflected in the short story «The Web» by the Japanese writer R. Akutagawa.

Keywords: L. Tolstoy, F. Dostoevsky, R. Akutagawa, «the web of love», «the fable of the onion», salvation of the sinner

«Паутинный» сюжет возникает в творческом сознании Толстого в момент работы над второй повестью трилогии — «Отрочество». В 1853 году в качестве эпиграфа к ранней редакции главы «Девичья» (в окончательной редакции глава 18) он берет фрагмент из «Сентиментального путешествия» Стерна: «Если Природа так соткала свой покров благодати, что местами в нем попадают нити любви и желанья, — следует ли разрывать всю ткань для того, чтобы их выдернуть?» [1, 2, 366]. Эта метафора понадобилась Стерну для того, чтобы оправдать влечение своего героя Йорика к горничной «как чувство, не отделимое от всех прочих чувств, включая доброту» [2, 72]. В главе «Девичья» Толстой описывает сходную ситуацию: Николенька Иртенев испытывает смешанные чувства к горничной Маше — юношескую влюбленность и эротическое влечение. Толстой увлекается сочинениями Стерна и переводит его «Сентиментальное путешествие» в период работы над «Детством». С английским писателем его сближает «понимание “я” как чувствительности»: «Для Толстого “поток чувств”, не являясь нравственным, имел этическую функцию, потому что он сам по себе — пространство нравственное, организованное в соответствии с моральным идеалом» [2, 73], — комментирует связь Толстого и Стерна Д. Орвин.

Стерновский образ «паутины любви» оказался важен и близок Толстому. В 1856 году он вновь использует его и дополняет образом паука, прядущего нить. Речь идет о дневниковой записи, в которой писатель говорит о своих дружеских отношениях с Боткиным и Аполлоном Григорьевым: «...нашел записку от Васьки и Аполонки и ужасно обрадовался, как влюбленный. Как-то все светло стало. Да, лучшее средство к истинному счастью в жизни — это без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, цепкую патину любви и ловить туда все, что попало, и старушку, и ребенка, и женщину, и квартального» [3, 46, 71]. Этот же образ появляется в дневнике Оленина в повести «Казачи». Дмитрий Оленин охвачен стремлением «жить для других», идеал для него — это «любовь» и «самоотвержение». И вот на пике этих чувств, сам влюбленный в Марьяну, в день сговора между ней и Лукашкой, он записывает в своем дневнике: «Много я передумал и много изменился в это последнее время... и дошел до того, что написано в азбучке. Для того чтоб быть счастливым, надо одно — любить, и любить с самоотвержением, любить всех и все, раскидывать на все стороны паутину любви: кто попадет, того и брать. Так я поймал Ванюшу, дядю Ерощку, Лукашку, Марьянку» [1, 3, 256].

В сходном контексте паук, правда, уже без паутины, появляется в «Отрывке дневника 1857 года». Толстой рассуждает о том, что «в человека вложена

бесконечная не только моральная, но даже физическая бесконечная сила, но вместе с тем на эту силу положен ужасный тормоз — любовь к себе, или скорее память о себе, которая производит бессилие» [3, 5, 196]. Молодой мыслитель предлагает отказаться от этой силы, «спасаясь» «любовью к другим». И вот здесь возникает образ заключенного в темницу человека, который «остаётся с вечной памятью о себе». «И чем спастись от этой муки?» — вопрошает Толстой. «Он для паука, для дырки в стене хоть на секунду забывает себя. Правда, что лучшее, самое сообразное с общечеловеческой жизнью спасенье от памяти для себя есть спасенье посредством любви к другим; но не легко приобрести это счастье» [3, 5, 196].

Контекст очевиден: паук с его паутиной оказывается тем прядильщиком, который ткёт свою паутину не для себя, а для других: его цель — отречение от своего «я», которое возможно только с помощью «забвения» — любви. Эта мысль, сформулированная Толстым в начале творческого пути, не оставляет его всю жизнь, о чем говорит образ паука в «Карме»: он вновь поддерживает ту же идею — «искоренения из себя заблуждения личности».

В «Карме», которая является переводом одноименного рассказа П. Каруса, Толстой пересказывает притчу о том, как Будда отправляет паука в ад, чтобы спасти разбойника Кандату. Тот ухватился за тонкую паутину и почти вылез из ада. Однако разбойник увидел, что вслед за ним по этой же паутинке вылезают и другие грешники. Он испугался, что паутинка оборвется под тяжестью всех этих людей, и тогда она действительно оборвалась:

«Паутина была так крепка, что не обрывалась, и он поднимался по ней все выше и выше. Вдруг он почувствовал, что нить стала дрожать и колебаться, потому что за ним начинали лезть по паутине и другие страдальцы. Кандата испугался; он видел тонкость паутины и видел, что она растягивается от увеличивающейся тяжести. <...> Кандата перед этим смотрел только вверх, теперь же он посмотрел вниз и увидел, что за ним лезла по паутине бесчисленная толпа жителей ада. <...> испугавшись, громко закричал: «Пустите паутину, она моя!» И вдруг паутина оборвалась, и Кандата упал назад в ад» [1, 12, 276].

Монах Пантака объясняет смысл этой легенды, отмечая, что всему виной «заблуждение личности», которое еще жило в Кандате: «...чем больше будет людей лезть по паутине, тем легче будет каждому из них. Но как только в сердце человека возникнет мысль, что паутина эта *моя*, что благо праведности принадлежит мне одному и что пусть никто не разделяет его со мной, то нить обрывается, и ты падаешь назад в прежнее состояние отдельной личности; отдельность же личности есть проклятие, а единение есть благословение. Что такое ад? Ад есть не что иное, как себялюбие, а нирвана есть жизнь общая» (курсив автора. — *К. Н.*) [1, 12, 277].

Так идея, сформировавшаяся в творческом сознании Л. Толстого в начале 1850-х годов и принявшая образ «паутины любви», связанной с идеей самоотречения, в 1894 году ложится в основу одной из «сказок в восточном духе», подтверждающей излюбленную толстовскую мысль — все мировые религии учат человека жить в любви и избавляться от себялюбия:

«Тот, кто делает больно другому, делает зло себе. Тот, кто помогает другому, помогает себе.

Пусть исчезнет обман личности — и вы вступите на путь праведности» [1, 12, 277].

История о паутине, по которой пытался выбраться из ада разбойник Кандата, причудливым образом соединяет Толстого и Достоевского. Но не сам «паучий» сюжет — как известно, пауки Достоевского не просто не похожи на пауков Толстого — они связаны с прямо противоположными понятиями: толстовские любовь и самоотвержение сменяются страхом, смертью, ненавистью и сладострастием [5; 6; 7]. В данном случае речь идет о похожей притче, рассказанной Грушенькой Алеше в романе «Братья Карамазовы». Это история о луковке, которую героиня называет «басней», услышанной ею от кухарки Матрены. В ней «злющая-презлющая баба», как и разбойник Кандата, оказалась после смерти в аду, в огненном озере. Подобно Будде, ангел-хранитель пытается спасти грешницу, но вместо паутины предлагает ей луковку, когда-то поданную ею нищенке. Баба хватается за эту луковку и почти вылезает из ада, но ее возмущают другие грешники, схватившиеся за нее. Как и Кандата, заявивший свои права на паутину, баба кричит: «Меня тянут, не вас, моя луковка, а не ваша», и падает в огненное озеро [4, 14, 319].

Кандата рассказывает притчу о разбойнике умирающему Магадуге, тем самым указывая ему дорогу к духовному спасению, а Грушенька рассказывает свою историю нуждающемуся в поддержке Алеше, переживающему кризис после смерти старца Зосимы. Перед смертью Магадуга просит Пантаку о поддержке, и тот оказывает ее: «Дайте же мне ухватиться за паутину, <...> и я выберусь из пучины ада» [1, 12, 276]. Алеша же, по его собственным словам, получает от Грушеньки «урок» любви: «Ты мою душу сейчас восстановила» [4, 14, 321], и в свою очередь оказывает ей духовную поддержку: «... луковку я тебе подал, одну самую малую луковку, только, только!» [4, 14, 327]. Эта «луковка» всплывает и в видении Алеше — ею старец Зосима объясняет свое присутствие на пиру в Кане Галилейской: «Чего дивишься на меня? Я луковку подал, вот и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке... Что наши дела? И ты, тихий, и ты, кроткий мой мальчик, и ты сегодня луковку сумел подать алчущей» [4, 14, 323]. Эта же «цепная реакция» любви и добра составляет основу сюжета толстовской «Кармы». Перед смертью разбойник Магадуга

возвращает то, что он отнял у своего хозяина Панду, и этот поступок становится для него той паутиной любви, по которой он, возможно, выберется из ада.

У обоих писателей акцент сделан на том, что спастись можно только сообща. «То, что мы считаем себя отдельными существами, происходит оттого, что покрывало Майи ослепляет наши глаза и мешает нам проследить наше единство с душами других существ» [1, 12, 272], — говорит буддийских монах, дающий совет Панду. И у Достоевского легенда о луковке указывает путь соборного спасения, становясь «эквивалентом “добродетели”» [8, 34] и бескорыстной любви.

Вопрос о том, откуда «басня» о луковке попала в роман Достоевского, хорошо изучен. Сам писатель говорил, что услышал ее от одной крестьянки. Это заставило исследователей предположить, что ему не был известен сборник А. Н. Афанасьева («Народные русские легенды, собранные Афанасьевым». М., 1859), где были изложены легенды с подобным сюжетом — «Христов братец» и ее малороссийский вариант, «почти совпадающий с тем, который дает Достоевский» [8, 22; см.: 9, 162; 10, 305–307]. С точки зрения Е. Фарыно, «в фольклор она (луковка. — К.Н.) попала... из каких-то церковных мудростей, подчеркивающих ценность даже самой что ни на есть мелкой благодетели. Луковица тут очень даже подходит как по своей доступности, так и по своей мизерности — ничего в себе не содержит, но отличается заметными целительными и апотропейными свойствами: хранит от дурного, от порчи, к тому же может быть самой простой пищей наиболее нуждающихся. (Здесь уместно напомнить и бытовое умаление в ответ на благодарность одаренного — “пустяк, мелочь, ничего не стоит”, с одной стороны, а с другой — формулу побирающихся типа “подайте копеечку”» [8, 29].

Не мог ли Толстой, переводя Каруса, помнить о «луковке» Достоевского? «Братья Карамазовы» на полтора десятилетия опередили «Карму». Отношение Толстого к этому роману было сложным, и даже не понятно, прочитал ли он второй том, где как раз изложена легенда о луковке. Ю. Волгин последовательно воспроизводит историю чтения Толстым романа его великого современника:

« В 1883 году его спрашивают, читал ли он “Карамазовых”. Толстой честно отвечает: “Не мог дочитать”. <...>

В 1892 году Чертков пишет Толстому: «...Несколько лет тому назад вы мне говорили, что не читали еще “Братьев Карамазовых”», — и советует непременно их прочитать. «Карамазовых я читал, — отвечает Толстой, — и в особенности все, что касается Зосимы, но прочту еще раз...» И действительно, он берется за роман и даже пишет Софье Андреевне, что текст читается вслух «и очень... нравится». Более того — в 1905-м он сам «озвучил» главу «Поединок» — и при этом «рыдал и глотал слезы».

Был ли, однако, роман, несмотря на рыдания, прочитан до конца? Заметим: все толстовские упоминания о нем относятся к первой части “Карамазовых”: в первом посмертном издании Достоевского (1883) это тринадцатый том. Именно там находятся пометы Толстого» [11].

Исследователь сомневается в том, что «Братья Карамазовы» были прочитаны Толстым до конца: «“Я читал только первый том, второго не читал”, — скажет он Булгакову. Можно, правда, понять и так: давно не перечитывал, а сейчас успел перечитать только половину. Однако Толстой нигде не упоминает сюжеты второго тома. (Это тем поразительнее, что, работая над сценой суда в “Воскресении”, он, как уже говорилось, должен был бы вспомнить судебный процесс над Митенькой Карамазовым.) Покинув Ясную, он забывает на своем столе первый том, раскрытый на странице 389, и просит прислать “вдогон” — вместе с ножницами для ногтей — том второй.

Но уже поздно: “Карамазовы” так и не будут дочитаны до конца» [11].

Вполне возможно, что легенду, рассказанную Грушенькой, Толстой так и не прочитал и у него не возникло ассоциаций с «Братьями Карамазовыми», когда ему попался рассказ американского писателя немецкого происхождения Поля Каруса «Карма», который он и перевел в 1894 году и в этом же году опубликовал в журнале «Северный вестник».

Но на этом история паутины и луковки не закончилась: она продолжилась в рассказе японского писателя Акутагавы Рюносукэ «Кумо но ито» — «Паутина». Этот рассказ был опубликован в 1918 году в журнале для детского чтения «Акан тори» («Красная птица») «как оригинальное сочинение Акутагавы» [12, 152]. В нем с некоторыми незначительными изменениями рассказывается история разбойника Кандаты, изложенная Толстым.

Изучая возможные источники рассказа, Юко Момиути упоминает, что первым связь между паутиной и луковкой Достоевского в 1955 году заметил японский исследователь Ёсида Сэйити: «...по своей сути рассказы похожи друг на друга: даже злой человек может проявлять милосердие, благодаря которому Бог дает шанс спастись из ада, но когда спасаемый хочет это сделать в одиночку, он теряет возможность спасения из-за эгоизма» [12, 153]. Так возникла версия о том, что источником рассказа японского писателя послужила «басня», рассказанная Грушенькой в романе «Братья Карамазовы». Она подтверждалась тем, что Акутагава в 1915–1917 годах, как раз перед написанием «Паутины», читал роман русского писателя: «Ёсида считал, что Акутагава переработал русскую легенду “Луковка” в новый рассказ с оттенком буддийского повествования» [12, 152].

Затем Ямагути Сэйити указал на «Карму» П. Каруса как на возможный источник рассказа Акутагавы, поскольку «Карма» в исправленном варианте, где

также содержалась история разбойника Кандаты, была опубликована 1895 году в Японии на английском языке, а в японском переводе — в 1898 году. В действительности этот японский перевод и послужил основой рассказа Акутагавы, как показал Катано Тацуру, — он имел и одинаковое название с ним — «Кото но ито». И здесь, конечно, японские исследователи не могли не вспомнить о рассказе Толстого, который также был переведен в Европе на немецкий и французский языки как оригинальное произведение русского писателя, так что Толстому даже пришлось писать опровержение по поводу своего авторства. Однако Акутагава этот рассказ прочитать не мог.

Японских исследователей интересовал вопрос первоисточника — была ли притча, известная Карусу, буддийской или христианской по своему происхождению. В итоге Миясакой Сатору было установлено, что в ее основе лежит христианская легенда о Святом Петре. Эта легенда («Our Lord and Saint Peter») была опубликована в 1908 году в сборнике «Crist legends», который попал в руки Акутагавы уже после того, как тот написал рассказ. Известно и впечатление японского писателя: «Мне странно было читать это повествование, поскольку оно было очень похоже на мой рассказ “Кумо но ито”. Удивительно, что подобные произведения существуют на Востоке и на Западе» [12, 154].

А вот это — уже толстовский поворот сюжета о паутине и луковке. Как раз Толстого вовсе не удивляло то общее экзистенциальное начало, которое, с его точки зрения, было заложено в основе буддийских, индуистских (восточных) и христианских текстов [13]. Не случайно в «Письме для печати», предшествующем «Карме», Толстой подтверждает восточную мудрость словами из Евангелия от Иоанна: «Как ты во мне и я в тебе, так и они да будут в нас едино» [1, 12, 268]. Пути и формы работы философской и религиозной мысли у разных народов различны, но итог всегда один: «Учение буддизма и стоицизма, как и европейских пророков, а также китайские учения Конфуция, Лаотзе и мало известного Ми-ти, все возникшие почти одновременно, около 6-го века до рождения Христова, все одинаково признают сущностью человека его духовную природу, и в этом их

великая заслуга» [3, 74, 261].

Выходит, что диалог Каруса, Толстого, Достоевского и Акутагавы, развернувшийся в пространстве мировой литературы, служит одним из подтверждений этой истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л. Н. Собр. соч. / Л. Н. Толстой. — в 22 т. — М., 1978–1985.
2. Орвин Д. Искусство и мысль Толстого. 1847–1880 / Д. Орвин. — СПб.: Академический проект, 2006. — 304 с.
3. Толстой Л. Н. Собр. соч. / Л. Н. Толстой. — в 22 т. — М., 1978–1985.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевский. — в 30 т. — Л., 1972–1990.
5. Богач Д. А. Образ паука в художественном мире Ф. М. Достоевского / Д. А. Богач // Челябинский гуманитарий. — 2017. — № 2 (39) — С. 7–12.
6. Лукианова Г. Г. Энтомологические и хтонические мотивы в романах Ф. М. Достоевского / Г. Г. Лукианова // Культура и текст. — 2008. — № 11. — С. 186–195.
7. Мароши В. В. Паук за работой: архетип Арахны в рефлексной имагологии литературы / В. В. Мароши // Имагология и компаративистика. — 2014. — № 2 (2). — С. 17–33.
8. Faryno Jerzy. Луковицы и огурцы / Jerzy Faryno // Культура и текст. — № 4. — 2017 (31). — С. 7–72.
9. Пиксанов Н. К. Достоевский и фольклор / Н. К. Пиксанов // Советская этнография. — 1934. — № 1, 2. — С. 162.
10. Лотман Л. М. Романы Достоевского и русская легенда // Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. — 348 с.
11. Волгин И. Уйти от всех. Лев Толстой как русский скиталец / И. Волгин. — URL: <https://magazines.gorky.media/october/2010/10/ujti-ot-vseh.html> (дата обращения 2.02.2021).
12. Момиути Ю. Рассказ Акутагава Рюносукэ / Ю. Момиути // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. — 2007. — № 14. — С. 152–157.
13. Нагина К. А. «Будешь считать другие существа собою...» К вопросу «Л. Толстой и Восток» / К. А. Нагина // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. — Воронеж, 2009. — Вып. 28–29. — С. 151–160.

Воронежский государственный университет

Нагина К. А., доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: k-nagina@yandex.ru

Voronezh State University

Nagina K. A., Doctor of Philology, Professor, Department of history and typology of Russian and foreign Literature

E-mail: k-nagina@yandex.ru